

В то же время, сличая сборники, мы видим, что у иллюстраторов, как и у переписчиков, были любимые повести, которые чаще других списывались и вносились в сборники и чаще других сопровождалась миниатюрами. К таким следует отнести, например, рассказ «О царе, научившем брата бояться суда божия» и рассказ «О славе небесной», т. е. рассказ об иноке и птичке.

Сюжет первой новеллы строится на аллегории, которая раскрывается в конце рассказа; во второй интерес подогревается тем, что от читателя, как и от героя, до конца скрыт смысл происходящего. Все объясняется только на последних страницах рассказа. Как уже указывалось, это очень распространенный прием в развитии сюжета переводной новеллы.

В первой новелле речь идет о двух братьях-царях, из которых старший был всегда печален. На вопрос младшего, что мешает ему быть веселым, он отвечает аллегорией: он предлагает брату сесть на трон, поставленный над рвом, полным горящих углей, ставит вокруг четырех воинов с обнаженными мечами, вешает над головой брата на тонкой нити также обнаженный меч и предлагает ему в таком положении развлекаться музыкой и пировать. В ответ на отказ он раскрывает аллегорию, указывая, что так именно чувствует себя человек в земной жизни в ожидании смерти и суда божия. Этим царь и объясняет свою постоянную грусть.

Вторая новелла повествует об иноке, который, заслушавшись пением дивной птички, вышел из стен монастыря и попал в чудесный сад. Пробыв там, как ему показалось, совсем недолго, он вернулся в монастырь, но ни привратник, ни вызванный им игумен не узнают его. Оказывается, птичка увлекла его в райский сад, где он и пробыл триста лет. Узнав об этом и рассказав свою историю братии, иннок умирает, и его с честью хоронят в монастыре.

Обращаясь к миниатюрам, сопровождающим эти повести, мы видим, что художников особенно привлекала первая; иллюстрации к ней есть во всех трех упомянутых мною сборниках. Их обычно две: первая рисует младшего брата-царя на троне над рвом, окруженного пятью мечами, вторая изображает старшего брата, раскрывающего аллегорию (рис. 1). Первая миниатюра интересна своими подробностями, точно соответствующими тексту повести: мы видим здесь ров, мечи, музыкантов, стол с угощением. В то же время художник вносит в рисунок русские бытовые черты — характерна деталь, связанная с изображением музыкантов: на всех миниатюрах среди них есть один или двое, играющих на гусях.

В сборнике ГИМ рисунок, раскрывающий аллегорию, испорчен, зато сохранился другой, соответствующий завязке сюжета; на нем изображены братья-цари, причем выражение лица старшего очень грустно. Подобного рисунка в Киевском и Егоровском сборниках нет.

Сравнивая рисунки разных сборников, мы видим, что художники, не копируя друг друга, повторяют, однако, основные компоненты рисунка. Это объясняется тем, что они стремятся по возможности точно воспроизвести детали легенды. Разработка этих деталей (посуда на столе, гусли) уже их личное дело; она-то и обнаруживает тот интерес к жизни, к быту, о котором говорилось выше.

В рассказе об иноке и птичке сюжет сложнее, поэтому он раскрывается уже не в двух, а в четырех или пяти миниатюрах, точно соответствующих наиболее важным поворотным моментам сюжета; эти моменты следующие: 1) иннок видит птичку и уходит из монастыря, 2) иннок слушает пение птички или птичек в райском саду, 3) иннок беседует с привратником, 4) он же беседует с игуменом, 5) он же рассказывает братии, что с ним произошло, 6) похороны инока.